

О т з ы в
на автореферат диссертации
Нуриевой Ирины Муртазовны
«Удмуртская музыкально-песенная традиция:
специфика жанрообразования и функционирования»,
представленной на соискание ученой степени доктора искусствоведения
по специальности 17.00.02 – Музыкальное искусство

Прочитав автореферат диссертации **И. М. Нуриевой – «Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования»** на соискание ученой степени доктора искусствоведения, выражаю уважительно следующее.

Диссертационная работа И. М. Нуриевой является долгожданным, многосторонним, систематичным и сводным исследованием по местным музыкально-песенным традициям разных территориальных групп удмуртов, проживающих как в Удмуртской Республике РФ, так и в соседних областях.

Диссертация построена как целостное описание на основе анализа материалов по музыкально-песенной культуре всех групп удмуртов. Материалы репрезентируют широкий спектр человеческого музыкального поведения: записи исполнения и речь о музыкально-песенных традициях и поведения, связанного к ним.

Методологический подход в подобной работе должен быть мультидисциплинарным. В представленной работе обсуждаются и артикулируются данные удмуртской культуры с привлечением разных наук: музыкальной этнографии, фольклористики, лингвистики и истории, обсуждая и диахронические, и синхронические стороны культурных явлений. Автор использует метод исторической реконструкции в изучении устной культуры, где материальные доказательства отсутствуют либо частично, либо полностью. Остаётся в кругозоре и захватывающая проблема самого музыкального выражения: возможно ли оформить культурно-исторические доказательства из форм музыки, из мелодических мотивов, звукорядов, метрических структур и так далее? Проблема пока нерешимая и много зависит от задач исследования и убедительность о том, что исследователь выбирает и оперирует именно с важными для культуры частями.

Интересен и выбор автора в описании целостности этнолингвистического культурного конгломерата по некоторым срезам. Такой выбор даёт читателю точный угол зрения, чтобы понять целое в определённых областях культуры. Таковыми в этой работе особенно обсуждаемыми областями являются: звуковая картина мира у удмуртов, точнее, окружение прибореальных лесов; импровизация как исполнительское измерение в музыкальной культуре; функционирование и границы обрядовых и

Faculty

(в)необрядовых песен; современные (по крайней мере в перспективе одного столетия) виды песен.

Звуковая картина мира у удмуртов связывается в данной работе, прежде всего, с физическим окружением местного населения, т. е. с лесом, который даёт некое состояние внутреннего покоя, созерцательности, является исполнительской сценой и акустическим фидбэк'ом для исполнителя. В этом я вижу очень интересную задачу для дальнейших исследований: как говорят, определяют и используют природное звуковое окружение другие северные народы? Достаточно ли поставить на равном уровне лесное окружение, когда сравниваем акустическое поведение северных пермскоязычных народов, допустим, с манси?

Пока относительно мало написано в этномузыкологии о понятии импровизации. Иногда чувствуется, что музыковеды столько пытаются анализировать произведения понятиями композиции европейской классической музыки, что иногда бесплодно обсуждают концепт импровизации. Допустим, какова роль (как-то определяемая) импровизации в песенных культурах северных охотников и кочевников? Опыт полевой работы даёт мне, например, основы предполагать, что обычно исполнение таких импровизируемых северных жанров как личные песни является для исполнителей готовыми, неизменяемыми, исполненными фактами, хотя мы их анализируем и можем констатировать, что – по нашим мерам – там есть вариации. А насколько импровизация связана с вербальным/невербальным языковым содержанием песни? Я, по крайней мере, не могу сказать. Поэтому в данном исследовании есть особенно захватывающие моменты, когда автор обсуждает вопросы песенной импровизации без слов – у северных удмуртов. В конце концов, мы встречаем формы невербального, песенного текста в финно-угорском ареале довольно редко: в необычной традиции севернокарельской йойги, как и в северносаамской йойге – но, пожалуй, по разным историко-стилистическим причинам. А автор данной работы даёт нам одну, весьма интересную гипотезу: связь песенного выражения с традициями инструментальной музыки. И здесь замечательная задача отдельного исследования.

Из многих интересных вопросов в данной работе я бы назвал далее проблему жанрового пространства в устной (и исторически длинной) традиции, особенно обсуждаемой в данной работе в связи с проблемой существования причитаний у удмуртов. Задача автора здесь, как бы – искать традиции причитаний, которые должны напоминать стиль причитаний у балтийско-финских, севернославянских и у соседних коми. У удмуртов их, если правильно понял, как бы есть, но в генетически немаркированном виде. Для меня здесь уже находка: наблюдать, что существует в культуре, что отсутствует.

Faculty

Наконец, хотелось бы ещё выделить дискуссию о поздних песенных жанрах, в которой автор ориентируется при помощи лингвистическо-этимологического аппарата. Откуда же, действительно, происходит северноудмуртский термин *мадь*, обозначающий в настоящее время новые песни? Как автор указывает, у этого термина есть общая, старинная основа в финно-угорских языках в значении, связанном с речью и с говорением (на пример, *ма́нчъ* у хантов; как таково, глагольный корень ма- найдётся легко и в северносаамодийский языках...) А если, действительно, как предполагает автор, *мадь* является неким свидетельством забытых повествовательных традиций у (северных) удмуртов?

Подобная работа по народам поволжско-финно-угорско-тюркского культурного ареала невозможна без устойчивой и длительной опоры на работы ряда исследователей, которые стали и будут классиками именно как специалисты с в о х культур – такие, как П. И. Чисталёв, А. К. Микушев, Ф. Х. Камаев, Н. И. Бояркин, О. М. Герасимов, М. Г. Кондратьев, Н. И. Жуланова, Н. Ю. Альмеева, Р. А. Чуракова, М. Г. Ходырева и многие другие. Работы и публикации И. М. Нуриевой уже давно входят в эту область регионального этномузыковедения, а данное исследование является ярким сводом и результатом её этномузыковедческой работы в своей родной культуре.

Данная диссертационная работа И. М. Нуриевой презентует столько интересных вопросов, которые она обсуждает с чётко выбранным и ограниченным мультидисциплинарным научным аппаратом, что у меня нет сомнения, что автор заслуживает присвоения ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17.00.02 – Музыкальное искусство.

г. Тампере, 29.12.2014

С уважением,

Jarkko Niemi, Ph. D., Docent, University Lecturer
Music Studies
School of Social Sciences and Humanities
33014 University of Tampere
Finland

Яркко Ниemi, д. ф. н., доцент, университетский лектор
Исследование музыки
Отделение общественных и гуманитарных наук
Университет Тампере
Финляндия